

Е Цзюньшу и подумать не мог, что в первый же за столько лет визит в уездный город, спустя всего полдня прогулки, он встретит старого знакомого. Мир тесен — это уж точно.

Этим знакомым оказался Цинь Яолян — младший сын его учителя и его же старший сокурсник. Несмотря на то, что они не виделись больше трех лет, никакой неловкости между ними не возникло. Все эти годы они переписывались, делясь новостями, так что были вполне в курсе дел друг друга.

Впрочем...

— Старший брат, а как ты выбрался на волю? — в последнем письме Яолян жаловался, что отец посадил его под домашний арест на два месяца. По расчетам Цзюньшу, срок еще не вышел.

Цинь Яолян хитро прищурился и протянул:

— У мудреца свои секреты! — всем своим видом он показывал: «Ну же, спроси меня, как я это сделал!»

— А, понятно. — ?? — Яолян замер в ожидании расспросов, но дождался лишь краткого «понятно». Он едва не завыл от досады.

Цзычжоу остался верен себе — всё такой же вредный, даже не хочет потешить его самолюбие и дать выговориться!

Они пришли в изысканную чайную. Во внутреннем дворике журчал ручей под маленьким мостиком, стояли причудливые беседки в окружении цветов и зелени. Это место всегда было излюбленным пристанищем местных книжников: здесь они устраивали дискуссии, обсуждали толкования канонов, рассуждали о политике и слагали стихи.

Яолян, судя по всему, был тут завсегдатаем. Не дожидаясь официанта, он сразу нашел уединенный столик в укромном уголке. Отсюда открывался отличный обзор, и при этом были прекрасно слышны высокопарные речи студентов в общем зале. Едва сев, Е Цзюньшу первым делом осушил несколько чашек воды. Жажда мучила его нещадно! В помещении жар быстро спал, и вскоре пот перестал градом катиться по лицу.

Цинь Яолян без умолку тараторил о своем. Цзюньшу поначалу слушал с интересом, но быстро понял, что друг пересказывает всё те же жалобы из своих бесконечных писем на несколько страниц. Слушать это во второй раз желания не было.

Внимание Цзюньшу переключилось на группу ученых в конфуцианских одеждах, сидевших в общем зале. Он прислушался к их разговору. Даже зной не умерил их пыл: семь-восемь человек, сгрудившись за квадратным столом, яростно обсуждали текущие события.

Прожив три года в полуизолированной деревне, Цзюньшу сильно отстал от жизни. О том, что происходило при дворе или в соседних провинциях, он почти ничего не знал. Единственным источником информации были письма Яоляна, но в его пространственных излияниях крупницы реальных новостей приходилось искать днем с огнем.

В нынешнюю эпоху нравы были довольно свободными, а за высказывание своего мнения никого не карали. Император считался просвещенным правителем, и в стране в целом царил мир. Однако соседние вассальные государства и заграничные племена посматривали на империю как волки, готовые в любой момент вцепиться в сочный кусок мяса. Иноземцы то и дело совершали набеги на границы, и если бы не великий маршал Ли, охранявший рубежи, эти дерзкие дикари давно бы не ограничивались мелкими стычками.

Слушая разговоры, Е Цзюньшу с удивлением узнал, сколько всего произошло за время его траура. Оказалось, что их «защитник», маршал Ли, скоропостижно скончался от болезни той самой зимой, когда Цзюньшу только перебрался в деревню. Узнав об этом, враги, надеясь на неразбериху в столице, двинулись в атаку.

К счастью, старший сын маршала, молодой генерал Ли, принял командование в критический момент. В решающей битве он доказал, что ничем не уступает отцу, официально заявив миру: даже если маршала Ли больше нет, его сын здесь, и врагу не видать земли империи, пока он жив. Увидев это, притихшие было вассалы тут же поджали хвосты и снова изобразили покорность.

«Так вот почему налоги в этом году выросли на одну долю», — подумал Цзюньшу.

В глухой деревне Ецзя вести доходят долго, да и людей там волнует только свой клочок земли. Налоги выросли — ну что ж, затянем пояса, а пока война не у их порога, сплетничать о политике им и в голову не придет. Уездный начальник наверняка знал новости, но зачем ему сеять панику среди народа? Тем более что в их захолустье война вряд ли когда-нибудь доберется.

Е Цзюньшу глубоко задумался, а когда очнулся, тема разговора за соседним столом уже сменилась: от пограничных войн перешли к интригам в императорском гареме.

— Сейчас влияние министра Мина распространилось повсюду, он пользуется безграничным доверием государя. К тому же благородная наложница Мин — его любимица, даже императрица вынуждена отступать перед его могуществом... Род главного супруга ослаб, после смерти маршала Ли им еще труднее противостоять дому Мин. Если бы не молодой генерал Ли на границе, боюсь, мы бы стали свидетелями первого в истории случая низложения императрицы...

— Чепуха! — воскликнул другой книжник, хлопнув по столу. — Императрица — «мать нации», добродетельный и талантливый. Он занимает этот пост двадцать пять лет и не совершил ни одной ошибки. С чего бы императору без причины его смещать? Даже если он захочет, народ этого не примет!

— Кто знает... Старший принц уже допущен к государственным делам и скоро начнет службу в одном из министерств. А Седьмой принц — еще дитя. Пока он вырастет, старший оперится. На что будет рассчитывать Седьмой? Ради того, чтобы сделать старшего законным наследником, император вполне может пойти на крайние меры.

— Абсурд! С древних времен престол наследует законный сын (ди), а не старший (шу)! Государь не может быть столь безрассудным! — другой ученый оказался ярким сторонником легитимизма.

— Хоть род императрицы сейчас слабее Минов, борьба еще не окончена. Наш император мудр, он не позволит дому Мин забрать всю власть. Справедливости ради, государь не обидел и семью Ли: маршал почил, но командование армией осталось за его наследниками. А третий сын Ли, говорят, с малых лет воспитывался во дворце, император и императрица любят его как родного, балуют даже больше собственных детей...

— Однако...

Е Цзюньшу слушал всё это с упоением. Настоящая дворцовая драма, похлеще рассказов уличных сказителей! Будучи сторонним наблюдателем, он видел ситуацию чуть иначе. Пока другие завидовали сыну маршала, обласканному монаршим вниманием, Цзюньшу стало жаль этого «третьего сына Ли».

Жить в гареме, где пожирают людей, не оставляя костей, без родных рядом — это как ходить по тонкому льду. Любовь императора — это не благо, а раскаленные угли под ногами. «Воспитание во дворце, чтобы маршал спокойно воевал на границе» — это просто красивое название для статуса заложника. Как этот мальчик умудрился дожить до нынешних дней — загадка...

Цинь Яолян тем временем наговорился до хрипоты. Он схватил чашку, жадно осушил её и уже собирался продолжить, как заметил, что его слушатель окончательно «улетел» в свои мысли, глядя в пустоту отсутствующим взглядом.

Он наклонился поближе и некоторое время понаблюдал за другом. Убедившись, что внимание Е Цзюньшу приковано к происходящему снаружи (а в зале студенты всё еще продолжали свои громкие споры), Цинь Яолян недовольно проворчал:

— Цзычжоу, я тут с тобой разговариваю, а ты почему не слушаешь?

— Слушаю-слушаю, — отозвался Е Цзюньшу, переводя взгляд на него. — Ты говорил о том, как учитель холоден, безжалостен, придирчив и совершенно тебя не понимает, заставляя сдавать экзамены, к которым у тебя не лежит душа. А еще о том, что на днях ты написал эссе из рук вон плохо, из-за чего учитель в гневе запер тебя дома, но благодаря твоему острому уму и хитрости ты сегодня нашел лазейку и улизнул. Так?

Е Цзюньшу искренне недоумевал: как то, что укладывается в одно предложение, старший брат умудряется рассказывать больше получаса, не переводя дыхания? Он помнил учителя как человека немногословного, строгого и даже слегка старомодного; его супруг- фулан был воплощением книжной утонченности, и даже старший сын (с которым Цзюньшу виделся пару раз) отличался зрелостью и выдержкой. Как же на Цинь Яоляне природа так круто свернула в сторону?

Яолян скосил на него глаза и, в конце концов, уселся поудобнее, пробурчав:

— Цзычжоу, если тебе так интересны сплетни о дворе, почему ты не спросишь меня? Мои сведения куда надежнее и точнее, чем у этих болтунов в зале!

— Старший брат, я просто слушаю ради интереса. Сам знаешь, я столько лет безвылазно

просидел в деревне, что совсем отстал от жизни.

— Ты же вроде решил не сдавать на чиновника? Зачем тогда так интересоваться политикой? — Яолян снова подозрительно прищурился.

Видит небо, как он был ошарашен в тот год, когда ждсал Цзюньшу в частной школе, а получил лишь письмо! Он ведь тогда похвастался перед отцом, что Цзычжоу вернется к учебе после Нового года. В итоге разгневанный учитель несколько раз охаживал сына розгами, и с той поры взysкивать с него стали еще строже. На лице Яоляна отразилась целая гамма затаенных обид.

— То, что я не иду в чиновники, не значит, что мне это неинтересно, — в древние времена развлечений было так мало, что приходилось искать их в чем угодно.

— Тогда лучше спрашивай меня! Мой старший брат учится в столице, готовится к экзаменам... Когда он пишет отцу, то упоминает важные столичные дела. Его новости куда точнее, чем их байки, — с гордостью заявил Яолян.

— О? И что же ты знаешь? — с энтузиазмом подхватил Е Цзюньшу.

— Все эти «великие дела», о которых они толкуют — старье. Слушай сюда: с тех пор как не стало маршала Ли, влияние его семьи при дворе уже не то. Хоть молодой генерал Ли и выправил ситуацию на границе, мой брат пишет, что в борьбе против наложницы Мин сторонники короны действительно сдают позиции. Но! Они затаились, чтобы накопить силы, и вовсе не так беспомощны, как кажется на первый взгляд. Конечно, вся эта грызня идет под ковром — государь еще в самом расцвете сил, кто посмеет открыто делить трон? К тому же семья Ли десятилетиями держала военную власть, разве могут они вмиг остаться без козырей? Просто Седьмой принц еще мал, вот они и не лезут на рожон раньше времени.

После смерти маршала дом Мин окончательно обнаглел и даже пытался запустить руки в управление армией, ни в грош не ставя молодого генерала. Но ведь у тигра не рождается щенков, верно? Настанет день, когда они больно обожгутся.

Чтобы показать свою осведомленность, Яолян вывалил целую кучу «дворцовых тайн», хотя Цзюньшу понимал: добрая половина из них — личная художественная обработка Яоляна. Старший брат, человек осторожный, вряд ли стал бы писать такое в семейных письмах. Скорее всего, он вскользь упомянул пару фактов, а воображение Яоляна дорисовало остальное, превратив это в «сенсационные разоблачения». Однако Цзюньшу подтвердил для себя одно: его старший сокурсник — на стороне императрицы и поддерживает законный порядок престолонаследия.

Удовлетворив любопытство, Е Цзюньшу легко сменил тему. Он взял со стола ту самую книгу и спросил:

— Эту книгу ты написал?

При виде томика лицо Цинь Яоляна стало пунцовым, и он пробормотал:

— А, это... это один мой друг написал!

Цзюньшу не стал разоблачать эту неуклюжую ложь. Наблюдая за сценой у книжной лавки, он и так всё понял, но ради хрупкого самолюбия брата решил сделать вид, что поверил. Он открыл книгу и начал листать.

Яолян сидел как на иголках: то порывался что-то сказать, то осекался, боясь помешать чтению. Он нервно ерзал, прихлебывал воду, вставал, мерил комнату шагами и то и дело бросал косые взгляды на серьезного Цзюньшу.

Наконец тот закрыл книгу. Яолян тут же подлетел к нему с надеждой в голосе:

— Ну как? Что скажешь?

Выражение лица Е Цзюньшу было красноречивее слов: — У меня просто нет слов. Яолян поник: — ...

— Если говорить мягко, — продолжил Цзюньшу, подбирая слова, — характеры героев меняются каждые пять страниц, сюжет избит до невозможности — с первой главы понятно, чем всё кончится, а чувства между книжником и Третьей девой притянуты за уши. В остальном... неплохо.

Яолян застыл:

— ... То есть хорошего вообще ничего нет?

Он был готов разрыдаться.

— Э-э... — Цзюньшу потер нос.

Совесть не позволяла ему врать и хвалить это творение.

Раз уж даже Е Цзюньшу не нашел доброго слова, значит, дело было совсем дрянь. Яолян сдулся, как проколотый мяч, и уныло опустился на стул.

— Хочешь, я расскажу тебе одну историю, а ты попробуешь её записать? — предложил Цзюньшу.

Стиль письма у Яоляна был неплох, просто он перечитал дешевых романов и бездумно копировал их штампы, не привнося ничего своего. К тому же логика развития отношений у него хромала...

Просмотрев его рукопись, Цзюньшу мог описать свои чувства только одним словом: «катастрофа». Если бы автором не был его старший брат, он закрыл бы книгу на первой странице.

— Какую историю? — вяло спросил Яолян.

— Жил-был раненый белый змей. Его нашел маленький пастух, принес домой и выходил. Змей, тронутый добротой мальчика, остался с ним и оберегал его всю жизнь. Лишь когда пастух умер, змей вернулся в горы. Прошла тысяча лет, змей познал Дао и готовился стать бессмертным небожителем, но в самый ответственный миг потерпел неудачу. Оказалось, причина в том, что долг за спасенную жизнь тысячелетней давности так и не был возвращен. И тогда змей отправился на поиски перерождения того пастуха, чтобы отплатить добром...

Яолян замер. Его чутье подсказывало: это отличный сюжет, который станет хитом. Но то, как это рассказывал Е Цзюньшу...

— Твое умение рассказывать истории, конечно... — Яолян скривился в притворном отвращении.

Е Цзюньшу промолчал. «Можно подумать, твоя писанина лучше!»

Вдруг Яолян хитро заулыбался и по-братски обнял Цзюньшу за плечи:

— Цзычжоу, мы же с тобой лучшие друзья, верно?

— Ну... — притворно задумался юноша.

— Да чего ты сомневаешься! Мы же братья, водой не разлить! — засуетился Яолян. — Цзычжоу, братец на тебя одного надеется! Помоги мне, выручи!

— Хм... — Е Цзюньшу поразмыслил пару секунд и нехотя выдал: — И как же мне тебе помочь?

— Хе-хе-хе... — Яолян заулыбался заискивающе. — Ты расскажешь мне историю во всех подробностях, а я её художественно распишу! А гонорар поделим пополам, идет? Подумай сам: тебе нужно растить братьев, нужно учиться — где тебе взять время на писательство? А так ты даешь мне сюжет, я его шлифую, и твои финансовые трудности решены. Сплошная выгода!

— Но я ведь больше не учусь, — напомнил Цзюньшу.

— Ну, милый мой братец! — Цинь Яолян окончательно отбросил стыд.

Он прицепился к Е Цзюньшу как банный лист, засыпав его горой лести и уговоров. В конце концов, измотанный этим напором, Цзюньшу сдался:

— Ладно, ладно. Как вернусь домой — всё распишу и пришлю тебе.

— Хе-хе! Обожаю тебя! — получив желаемое, Яолян расплылся в улыбке и чуть ли не с поцелуями полез к другу, но был брезгливо отпихнут.

Е Цзюньшу взглянул на небо — незаметно миновал полдень. Неудивительно, что в животе снова начало урчать! В общем зале тоже стало тихо: те студенты уже давно разошлись.

— Пойдем, я угощу тебя обедом, — предложил Цзюньшу.

— Да зачем нам эти забегаловки? Пойдем домой обедать! — Яолян подхватил Цзюньшу под локоть и потащил к выходу. — Отец так обрадуется твоему приходу, что ему точно будет не до меня, хе-хе! — Он уже вовсю рисовал в голове радужные картины: батюшка на радостях от встречи с любимым учеником наверняка забудет отчитать сына за побег!

— Моя корзина! — Е Цзюньшу вспомнил о своих вещах, когда его уже почти дотолкали до лестницы.

Яолян молнией метнулся обратно, нацепил заплечную корзину на себя и, махнув рукой, скомандовал:

— Пошли, пошли!

Цзюньшу прикинул: он и так собирался навестить учителя после полудня, так что сейчас — самое время. Вдвоем они нырнули в полуденный зной и поспешили в сторону частной школы.

От автора: Наконец-то я вытащила нашего второго героя в текст, чтобы он хоть как-то обозначил свое присутствие. Прямо гордость берет.

Ли Юй (появившийся лишь в упоминаниях): ... (поглаживает плеть и холодно усмехается).

Е Цзюньшу (чей суженый всё не появляется): ... (молчаливая улыбка).

Автор (справедливо): Несовершеннолетним не положено крутить романы! Даже если шоу появится, ты сможешь на него только смотреть, но не трогать! Малявки еще, молоко на губах не обсохло! (Убегает, прикрываясь крышкой от котелка).

<http://bllate.org/book/15226/1354089>